В.А. Башилов

ДВЕ МОДЕЛИ «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ЦЕНТРАЛЬНЫХ АНДАХ: К ИЗУЧЕНИЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ МИРОВОГО ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Изучение истории аборигенных народов Нового Света имеет значение, далеко выходящее за пределы этого огромного региона. К сожалению, его древнейший, доколумбовый период плохо известен в России. Даже специалисты-историки обычно слабо представляют себе, как проходили исторические процессы у населения обеих Америк до появления тех культур и государственных образований, с которыми непосредственно столкнулись европейские конкистадоры. Положение усугубляется и тем, что эти процессы известны исключительно по «бессловесным» археологическим данным.

А ведь знание о том, что происходило в Новом Свете до конкисты чрезвычайно важно, поскольку там во многом повторился путь развития, который в Старом Свете изучен по археологическим и скудным историческим источникам. Относительное запаздывание ряда его стадий в Америке объясняется прежде всего длительностью экстенсивного освоения огромных пространств двух континентов (*Башилов* 1985. С.49; 1986). Сопоставление процессов, разделенных пространством, которое, гипотетически, в древности еще можно было преодолеть, и абсолютно непреодолимыми тысячелетиями позволяет пытаться выявить закономерности исторического процесса, имманентно свойственные развитию всего человеческого общества.

В этом отношении особенно интересны процессы сложения экономики, дающей стабильный прибавочный продукт («неолитическая революция»), и связанный с ним процесс становления древних цивилизаций. В предлагаемой статье я остановлюсь на первом из них в том виде, в котором он проходил в Центральных Андах — одной из двух областей существования древнеамериканской государственности.

Концепцию «неолитической революции» сформулировал В.Г.Чайлд (*Чайлд* 1949; *Childe* 1953;1967;1983), показав на материалах Ближнего Востока революционный характер перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. «Неолитическая революция» получила свое название потому, что привела к кардинальным изменениям образа жизни древнего населения, появлению оседлых земледельческих поселений, так называемой неолитизации (*Титов* 1962; *Массон* 1971; *Шнирельман* 1986,1989 и др.) Это была классическая модель данного палеоэкономического процесса. Однако данные, полученные мировой археологией и этнографией в последние десятилетия, позволяют говорить и о других его формах (у отечественных авторов см.: *Башилов* 1979. С. 108-109; 1996, 1998, *Bashilov* 1982; *Шнирельман* 1986. С. 238, 327-328; 1989. С. 401-402; *Shnirelman* 1992; 1994). Материалы Центральных Анд особенно важны в этом отношении, поскольку на этой территории в древности параллельно существовали и развивались две различные модели «неолитической революции» — «классическая» в горах и атипичная, опиравшаяся на прогрессивное развитие рыболовства и морского промысла на перуанском побережье.

Сложившаяся в результате хозяйственная система послужила, как и в других мировых центрах, экономической базой для формирования в Центральных Андах древних цивилизаций.

О «неолитической революции» со времен В.Г.Чайлда написано много. Существование на русском языке достаточно полного и глубокого анализа этой литературы, сделанного В.А.Шнирельманом (*Шнирельман* 1987;1989. С. 3-30), позволяет мне не давать общего ее обзора.

В классических работах, посвященных «неолитической революции», она рассматривается как определенный рубеж между двумя сменяющими друг друга экономическими системами — охотничье-собирательской и земледельческо-скотоводческой. При этом ее начало сопоставляется, как правило, с первым появлением домашних растений (см., например, обобщающую работу: *Шнирельман* 1989. С.7). Далее материалы излагаются в обычном для археологических обобщений повествовательном ритме, заканчиваясь изложением результатов «неолитической революции» — появлением раннеземледельческих поселений, хозяйственными и культурными достижениями их создателей.

Здесь мне хотелось бы, отталкиваясь исключительно от материалов Центральных Анд (прежде всего, территории современного Перу), предложить трактовку некоторых проблем общего характера, значение которых выходит за территориальные и хронологические рамки данного региона. Материалы этой культурно-исторической области, несмотря на всю их фрагментарность, дают определенное, хотя и далеко не полное, представление о процессах, протекавших здесь с IX по начало II тыс. до н.э., и, прежде всего, — о «неолитической революции».

Рассматривая палеоэкономические процессы в горном Перу, можно заметить, что материалы долины Аякучо позволяют проследить «неолитическую революцию» на всем ее протяжении в классической форме перехода от охотничье-собирательской к земледельческо-скотоводческой экономике (*MacNeish*, *Garcia Cook et al*.1981; *MacNeish*, *Vierra et al*. 1980, 1983; *Башилов* 1990. С. 62-68). Находки на ряде памятников, прежде всего в сухих пещерах, где неплохо сохраняются не только каменные орудия, но и органические остатки, дали возможность разработать достаточно дробную периодизацию, состоящую из ряда последовательных фаз и позволяющую проследить динамику хозяйственного развития местного населения на протяжении нескольких тысяч лет.

В IX-VIII тыс. до н.э. (фаза Пуэнте) основой экономики была охота на крупных животных — оленей и камелидов. Она,

несомненно, дополнялась собирательством. С VII тысячелетия (фазы Хайва и Пики) начинается процесс освоения и доместикации растений и животных. Постепенно уменьшается роль охоты в экономике, хотя именно в фазе Пики наблюдается расцвет охотничьей техники. Собирательство, а затем и возделывание растений, становятся полноправными отраслями хозяйства. Возникают, по-видимому, систематические сезонные перекочевки групп населения в пределах различных природных зон своего микрорайона.

Поворотным моментом рассматриваемых процессов стала фаза Чиуа (середина V-IV тыс. до н.э.), когда население уже обладало основным пищевым комплексом Нового Света — тыква, фасоль, позже кукуруза. Возделывание растений и разведение морской свинки начали теснить охоту в экономическом балансе. Об этом свидетельствуют и заметные изменения в структуре орудийного комплекса. Соответственно изменяется и образ жизни — наряду с сезонными стоянками появляются и круглогодичные поселения. Процесс этот завершается к началу III тыс. до н.э. и в фазе Качи (III — начало II тыс. до н.э.) в долине Аякучо уже существуют постоянные раннеземледельческие поселения. Их обитатели возделывали широкий круг культурных растений. Одновременно существовала и четкая специализация хозяйства в рамках вертикальной зональности. Население высокогорья специализировалось на разведении и выпасе камелидов, поставляя продукты животноводства в поселения нижней части долины и потребляя их земледельческую продукцию. Охота и собирательство играли в экономике роль вспомогательных отраслей.

Материалы долины Кальехон де Уайлас, известные в основном по данным пещеры Гитарреро (*Lynch* 1980; *Башилов* 1990. С.75-80) характеризуют только первую ступень рассматриваемого процесса. Его древность, поскольку он начался, по крайней мере, с рубежа IX-VIII тыс. до н.э., на полторы тысячи лет раньше, чем в Аякучо, определяет своеобразие района. При современном уровне знаний трудно судить, привело ли это к более раннему прохождению «неолитической

революции», или здесь мы имеем дело с большей растянутостью этапа сложения ее предпосылок, характерной для периферийных земледельческих очагов (*Башилов* 1985. С. 47), или это результат специфики Гитарреро — памятника с очень сложной стратификацией.

Чрезвычайно важно, что кукуруза, появившаяся здесь в середине VI тыс. до н.э., весьма архаична и не имеет прямой связи с современными расами, в то время как у кукурузы из Аякучо, известной с IV тысячелетия, уже более развитый облик (*Bonavia, Grobman* 1978). Другими словами, кукуруза из Гитарреро представляет собой предшествующий этап эволюции этого домашнего растения, когда оно из-за малого размера початков еще не могло играть ведущей роли среди пищевых растений.

Физико-географические условия Аякучо и Кальехона де Уайлас, где в непосредственной досягаемости для древнего населения находились различные климатические и растительные зоны, обусловили и комплексный характер их хозяйственного освоения. Начавшись с сезонных перекочевок, оно приняло затем форму постоянных обменных связей по вертикали внутри достаточно замкнутого района. Видимо, именно с рассматриваемой эпохой связано зарождение того специфического андского явления, развитые формы которого у индейских народов были описаны Дж. Муррой по письменным источникам. Это явление получило название «вертикального контроля» экологических зон (*Murra* 1972).

На высотном плоскогорье Пуне де Хунин хозяйственное развитие тоже шло в направлении сложения производящего хозяйства (*Башилов* 1990. С. 69-74). Но в связи с экологическими особенностями района этот процесс принял форму перехода от охотничье-собирательской к преимущественно скотоводческой экономике с возможным использованием картофеля и других высокогорных растений. Несмотря на различные формы, налицо определенный параллелизм с долиной Аякучо в прохождении этого процесса, хотя нельзя переоценивать совпадение во времени, поскольку хроноло-

гия памятников Пуны де Хунин восходит к хронологической колонке Аякучо.

На протяжении многих тысяч лет — от X-IX до II тыс. до н.э. на памятниках этого региона сохранялся, развиваясь и совершенствуясь, инвентарь, связанный с охотой. До начала VI тысячелетия (фазы Паналагуа, Хунин-Пачамачай) она была ведущей отраслью экономики, что подтверждается и примерным равенством количества костей камелидов и оленей.

Это соотношение резко изменяется в фазе Тиларниок (VI-начало V тыс. до н.э.), когда костей камелидов становится в 4-5 раз больше, чем костей оленей. На основании материалов фазы Чупака-Ондорес (III-нач. II тыс. до н.э.) можно определенно предполагать, что лама уже была доместицирована. Промежуточный этап полуодомашненных животных можно связывать с фазой Келька-Уаси (2-я пол. V-IV тыс. до н.э.). Первые культурные растения (перец, тыква) появляются в эту же эпоху извне, скорее всего, из долины р. Мантаро.

Изменился и образ жизни населения. Появляются открытые поселения и более или менее долговременные постройки. Это позволяет думать, что фаза Келька-Уаси является критическим моментом в процессе становления производящей экономики в Пуне де Хунин. Завершился процесс в фазе Чупака-Ондорес, когда основой жизни населения становятся стада лам и, возможно, возделывание растений в пределах климатических возможностей этих мест.

Физико-географическая и экологическая однородность обусловила и хозяйственное единство этого, первоначально экономически замкнутого, района. Возможно, лишь в конце IV–III тыс. до н.э. здесь формируются связи, направленные, в отличие от Аякучо и Кальехона, за пределы района, в расположенные ниже области долины р. Мантаро.

Конкретные археологические материалы подтверждают вывод Н.И. Вавилова о существовании внутри единого центра древнего земледелия ряда микроочагов становления производящего хозяйства. Кроме того, они позволяют наметить в горах Центральных Анд два типа таких микроочагов — земледельческо-скотоводческий с использованием верти-

кальной зональности и преимущественно скотоводческий. Естественно, что здесь говорится лишь о центрах, известных археологически. В древности их было, конечно, гораздо больше.

Опираясь на материалы горного Перу, можно говорить о «классическом» однонаправленном развитии от присваивающего к производящему хозяйству, проходившем в различных формах, специфика которых была обусловлена природно-географичекой средой конкретных микроочагов. Видимо здесь мы находимся у истоков формирования различных хозяйственно-культурных типов андского населения, известных по письменным источникам эпохи испанского завоевания.

Достаточно хорошо выделяются в горном Перу и основные ступени процесса сложения производящей экономики.

Мне представляется, что сама «неолитическая революция» не была ни предельно кратковременным, не имеющим археологического выражения, рубежом, ни растянутым во времени процессом с крайне неопределенной хронологически нижней границей. Насколько можно судить по материалам древнего Перу, да и других ее центров, «неолитическая революция» всегда имела определенную временную протяженность, являясь одним из этапов процесса развития палеоэкономики. Но для того, чтобы определить границы этого этапа, нужно четко сформулировать критерии его выделения.

В классическом понимании, восходящем к В.Г.Чайлду, «неолитическая революция» была переходом от охотничье-собирательского хозяйства к земледельческо-скотоводческому, от одной экономической системы — к другой. Следовательно, важнейшим критерием выделения этого периода развития экономики должен быть его переходный характер. Другими словами, в нем должны сочетаться элементы старой и новой экономической системы.

В долине Аякучо этому критерию удовлетворяет структура экономики фазы Чиуа, когда, наряду с традиционными охотой и собирательством, заметное место уже занимают возделывание растений и использование домашних животных (морская свинка и, возможно, камелиды). На памятниках Пуны де

Хунин заметные сдвиги в структуре экономики связаны с фазой Келька Уаси, когда, вероятно, происходит переход от специализированной охоты к выпасу доместицированных или полудоместицированных камелидов. И в Аякучо и в Пуне де Хунин эти фазы связаны также с заметными изменениями в образе жизни. Скорее всего, именно эти фазы и можно считать временем собственно «неолитической революции».

Началу этого процесса предшествует этап формирования его предпосылок, когда возделывание растений существовало как вспомогательная отрасль в рамках традиционного охотничье-собирательского хозяйства и постепенно увеличивало свою долю в пищевом балансе. К этому этапу относятся материалы пещеры Гитарреро, фазы Хайва и Пики в Аякучо. В Пуне де Хунин ему соответствует время специализированной охоты на камелидов — фазы Хунин-Пачамачай и, особенно, Тиларниок.

Финал «неолитической революции» и начало существования новой экономической системы в Сьерре связан с окончательным переходом к земледельческой экономике в долине Аякучо (фаза Качи) и пастушескому ламоводству в высокогорной Пуне де Хунин (фаза Чупака-Ондорес). Ко 2-й половине III тыс. до н.э. население Сьерры достигло значительных успехов в культурном и общественном развитии Они были ознаменованы появлением ряда докерамических храмовых центров, таких как Ла Гальгада, Уарикото, Котош.

На перуанском побережье процесс сложения экономики, дающей стабильный прибавочный продукт, принял принципиально иные формы, тесно связанные с его специфическими природными условиями. Важнейшим отличием было то, что здесь «неолитическая революция» произошла без перехода к производящему хозяйству, в формальных рамках присваивающей экономики. Конкретно это имело вид замены в середине IV тыс. до н.э. охотничье-собирательской эксплуатации ресурсов «ломас» — холмистых предгорий, куда сезонная растительность привлекала травоядных животных, — комплексной хозяйственной системой, базировавшейся, прежде всего, на использовании продуктов рыболовства, при-

брежного собирательства и охоты на морского зверя и птиц. Новая экономическая система была настолько продуктивна, что привела в конце III тыс. до н.э. к появлению поселений, по уровню развития вполне аналогичных развитым раннеземледельческим памятникам.

Древности Косты, связанные с интересующими нас процессами, изучены хуже и неравномернее, чем в Сьерре. Но уже выявляющаяся структура этих процессов позволяет предполагать ее близкое сходство с тем, что известно по материалам горных районов. Здесь также выделяется этап «неолитической революции» со смешанной экономикой — фаза Чилька (сер. IV-сер. III тыс. до н.э.), когда происходит переход от одной формы присваивающей экономики к другой. Хуже представлен этап сложения предпосылок, но материалы поселений Палома и Чилька 1 (нижние слои) позволяют говорить о зарождении морского собирательства и, может быть, рыболовства еще в фазе «ломас». Памятники завершающего этапа — фазы Уака Приета (сер. III-1-я четв. II тыс. до н.э.) дают картину экономики, базирующейся преимущественно на морских ресурсах. Возделывание растений играло в этой экономике роль вспомогательной отрасли. Тем не менее, эта система предоставила возможность развития разноуровневых поселений, включая храмовые центры.

Материалы по палеоэкономике Центральных Анд, начиная с VIII и кончая началом II тыс. до н.э., говорят о существовании на этой территории двух моделей процесса становления продуктивной экономики — классической в горах и атипичной на побережье. Их принципиальное различие в том, что в горах произошел переход от одного типа экономики к другому, а у населения побережья процесс прошел внутри присваивающего типа хозяйства, хотя и здесь экономические формы претерпели существенные изменения.

Существование двух моделей тесно связано с огромными отличиями природных условий в горных долинах и на побережье. Географическими и экологическими различиями определяется и наличие микроочагов «неолитической революции» в Сьерре. Таким образом, археологические материалы

Центральных Анд еще раз говорят об определяющей роли природной среды в формировании конкретного облика хозяйственного развития в рамках единого палеоэкономического процесса.

История «неолитической революции» в Центральных Андах дает некоторые отправные точки для определения границ и темпов этого процесса. Общее представление о его длительности восходит еще к В.Г. Чайлду, а четкое расчленение на этапы сделано Р. Брейдвудом (*Braidwood* 1952, 1957), который отнес начало стадии производящего хозяйства ко времени первого появления возделываемых растений и домашних животных. Эта точка зрения широко распространена и в археологии Нового Света (см., например, *MacNeish* 1965).

Подобное определение нижней границы «неолитической революции» кажется мне методически необоснованным и полностью стирающим революционный характер перехода к экономике нового типа. На примере развития процесса в горном Перу видно, что периоду возникновения производящего хозяйства предшествует этап сложения его предпосылок в недрах экономики старого типа. Как показывают материалы пещеры Гитарреро, зарождение этих предпосылок может уходить далеко в глубь тысячелетий. Как бы ни был растянут во времени процесс «неолитической революции», ставшей скачком в развитии первобытной экономики, было бы методически неверно включать в него этап сложения его же предпосылок. Начало этого скачка связано, по-видимому, с моментом, когда весь комплекс этих предпосылок уже сформировался. Характерной особенностью периода «неолитической революции» является, как уже говорилось, смешанный, переходный характер экономики.

Для понимания характера «неолитической революции», большое значение имеет расчет темпов, которыми шел палеоэкономический процесс. Насколько мне известно, эта важная методологическая проблема в нашей науке практически не ставилась. В монографиях по методологии исторической науки хронометрические вопросы ограничиваются обычно рассмотрением понятия исторического времени (см., например,

Грушин 1961. С. 54-60; *Уваров* 1973. С.127-133; *Косолапов* 1977. С.79-83, 263-266; *Ракитов* 1982. С.242-255) В тех редких случаях, когда затрагиваются темпы развития, вопрос сводится лишь к их ускорению в связи с историческим прогрессом (*Грушин* 1961. С. 60).

Мне уже приходилось рассматривать эту проблему при сравнении темпов «неолитической революции» в первичных ее центрах Старого и Нового Света (*Башилов* 1979, 1985, 1986). Важнейшим методическим вопросом при таком сравнении является выделение рубежей, которые позволили бы измерить время, потребовавшееся для прохождения одинаковых стадий процесса. Единственным инструментом, который может для этого использоваться, является археологическая периодизация в сочетании с четкими палеоэкономическими характеристиками каждого из ее подразделений.

Выше уже было показано, что именно на основе такой периодизации, выделяются этапы процесса становления продуктивной экономики в перуанских Андах и на побережье. Используя эти данные, можно просчитать абсолютную длительность этих этапов и оценить их временной характер. В горах охотничье-собирательская экономика господствовала с момента их заселения не позднее XII тыс. до н.э. Лишь начиная с рубежа IX-VIII тысячелетий в Кальехоне де Уайлас и с VII тыс. до н.э. в Аякучо можно говорить об использовании растений, сначала, конечно, диких. Появление домашних растений и, соответственно, начало этапа сложения предпосылок «неолитической революции» в Кальехоне датируется не позже чем серединой VII, а в Аякучо — началом VI тыс. до н.э. Период смешанной, переходной экономики, непосредственно «неолитической революции», занял в горах время с середины V по конец IV тысячелетия. Начиная с III тыс. до н.э., вплоть до времени испанской конкисты в середине II тыс. н.э. экономической основой жизни населения Сьерры было производящее хозяйство — земледелие и животноводство.

Таким образом, охотничье-собирательская экономика просуществовала в горах не менее 7500 лет. Входящий в нее

этап сложения предпосылок «неолитической революции» занял от 2000 до 1500 лет. Сам переход к новому хозяйственному типу также уложился в 1500 лет, а последовавшее за ним существование и развитие производящего типа экономики длилось 4500 лет, пока не было насильственно прервано испанскими завоевателями, которые также использовали этот тип экономики.

Из приведенных расчетов явственно видно, что период бытования переходной экономики чрезвычайно мал в сравнении с предшествующим и последующим временем существования различных типов хозяйства. Наряду со значительными последствиями «неолитической революции», ее кратковременность (в историческом масштабе) неопровержимо свидетельствует о скачкообразном, революционном характере этого процесса.

Как уже говорилось, предлагаемый, очень простой метод позволяет вести сравнение темпов палеоэкономического, да и вообще исторического развития в различных центрах. Он приложим и ко второй, атипичной, модели «неолитической революции» на побережье. Здесь классическое охотничье-собирательское хозяйство существовало также от эпохи заселения до середины IV тыс. до н.э., то есть более 8000 лет. Период смешанной экономики, переходной к хозяйству тоже присваивающему, но базирующемуся на морском промысле, занял здесь всего 1000 лет. Новая форма хозяйства дополнялась возделыванием растений и, приведя население побережья к неожиданно высокому уровню развития, в течение II тыс. до н.э. плавно сменилась экономикой земледельческой.

Несмотря на менее четкие данные, можно определенно говорить о том, что и на побережье «неолитическая революция» заняла несоизмеримо более короткий отрезок времени, чем предшествующий ей и последовавший за ней периоды развития. Это еще раз подтверждает мнение о революционном характере данного палеоэкономического процесса.

Для теоретического осмысления процессов, проходивших в палеоэкономике Центральных Анд, крайне важно более подробно остановиться на атипичном пути развития перуан-

ского побережья. Ведь здесь наблюдается достаточно редкое историческое явление — появление продуктивного хозяйства, дающего стабильный прибавочный продукт, без изменения его типа, в рамках присваивающей экономики. За такой путь развития говорят как переход к новой экономической форме — эксплуатации ресурсов моря, так и последствия этого перехода — появление развитых поселений с монументальной архитектурой, включая храмовые центры, становление изобразительного искусства с разработанной иконографией, отражающей, видимо, достаточно стойкие и сложные мифологические представления. Следует напомнить, что именно революционные последствия перехода к земледелию на Ближнем Востоке позволили В.Г.Чайлду сформулировать его теорию «неолитической революции».

Возможность прогрессивного развития общественных отношений на базе присваивающей экономики отмечалась уже давно. Прежде всего, это было замечено на примере индейцев северо-западного побережья Северной Америки, которые на основе рыболовства и промысла морского зверя достигли завершающих ступеней первобытного общества и подошли к порогу общества классового (*Аверкиева* 1941, 1961). Аналогичный уровень социальных отношений отмечается у алеутов (*Ляпунова* 1975. С.106-128) и ительменов (*Шнирельман* 1993; *Shnirelman* 1994a), хозяйство которых было по форме охотничье-рыболовческо-собирательским. Причиной такого высокого развития исследователи справедливо считают высокую продуктивность присваивающей экономики у этих народов (*Аверкиева* 1941. С. 25; 1961. С. 6,258; 1974. С.137; *Башилов* 1979. С.108,109; *Шнирельман* 1986, С. 327,328; 1989, С. 401,402; *Shnirelman* 1992. P.187; 1994b, P. 41).

Р.С. Васильевский, разбирая проблемы становления культур с приморским типом адаптации на тихоокеанском севере, подчеркнул особую роль хозяйственной специализации и сопоставил формирование здесь высокоспециализированных культур «с возникновением и распространением земледелия в южных областях с благоприятными климатическими условиями» (*Васильевский* 1975. С.129). Огромное самостоятель-

ное значение экономического уклада, основанного на рыболовстве и морском собирательстве характерно для древней Японии (*Мещеряков* 1995. С. 8-10).

Все упомянутые примеры связаны с адаптацией в конкретных условиях приморских районов. Подобный путь был возможен лишь в такой экологической ситуации, когда пищевые ресурсы района постоянно и значительно превосходили истребляющие возможности развивающейся рыболовческой и охотничьей техники населения. Именно такая ситуация характерна для океанского побережья с его практически неисчерпаемыми, на том уровне технологии, запасами пищи, но она не исключается и для других районов.

Вполне вероятно, что такие условия могли складываться вдали от океана на богатых рыбой внутриконтинентальных водных источниках, особенно в лесной полосе, где рыболовство дополнялось охотой и собирательством. В этой связи очень любопытны данные, приводимые Ю.П. Аверкиевой о том, что индейцы американского Севера (алгонкины, северные атапаски) к моменту контактов с европейцами вели «полуоседлый образ жизни на ограниченной территории с сезонным ритмом ведения хозяйства, когда долговременное обитание в оседлых поселениях около мест рыбной ловли прерывалось периодическими откочевками... для охоты на лесного зверя» (Аверкиева 1974. С. 48-50, 90-91). Только развитие пушной торговли с европейцами привело к усилению роли охоты и изменению уклада жизни этих индейцев.

В свете того, что по атипичной, прибрежной модели «неолитическая революция» в Центральных Андах проходила в недрах присваивающей экономики, вполне можно предположить, что в особо благоприятных условиях лесные рыболовы-охотники-собиратели также могли пересекать этот рубеж производительности труда. Если принять такое допущение, то, вероятно, станут объяснимы парадоксальные случаи необычно высокого культурного развития некоторых памятников каменного века, таких как Липенский Вир на Дунае, Оленеостровский могильник на Онежском озере и других, а также «очаговое» распределение искусства и архитектуры в палео-

лите, неолите и бронзовом веке Евразии. Скорее всего, такие очаги связаны с прохождением в данном регионе рубежа «неолитической революции».

Проблема заключается в том, что в отличие от генеральной, классической модели, где прохождение этого рубежа фиксируется по смене типа экономики, в рамках экономики однотипной (присваивающей) проследить его очень трудно. Решение вопроса об уровне экономического развития упирается в полную неразработанность археологических критериев для его оценки.

Кроме того, в большинстве районов мира сохранность органических остатков в культурном слое не идет ни в какое сравнение с их сохранностью на крайне сухом перуанском побережье. Этот район обладает уникальными условиями, позволяющими изучать органику как в качественном, так и в количественном отношении. Но даже здесь прохождение «неолитической революции» фиксируется прежде всего по вторичным признакам. Такими признаками, судя по материалам Косты, могут быть появление монументальной архитектуры, иерархии поселений, развитого искусства. Надо, правда, учитывать, что из всех сложных обществ, базирующихся на присваивающем хозяйстве, именно общества перуанского побережья в своем поступательном развитии зашли наиболее далеко.

Необходимо отметить, тем не менее, что это поступательное развитие имело свои ограничения, связанные, прежде всего, с гораздо большей привязанностью присваивающей экономики к возможностям окружающей природной среды (*Шнирельман* 1986. С. 334-337; 1989. С. 402, 404). Именно они были, по-видимому, причиной того, что на основе присваивающей экономики не смогла возникнуть ни одна древняя цивилизация. Однако, хоть это и был тупиковый путь палеоэкономического развития, он красноречиво свидетельствует о существовании неких общих закономерностей данного исторического процесса.

Все сказанное выше о двух моделях «неолитической революции» в Центральных Андах, показывает, что, хотя этот

процесс в горах и на побережье проходил в принципиально разных формах, его структура и последствия были вполне сравнимы. Совершенно очевидно, что различие форм было обусловлено необходимостью для древнего населения этой культурно-исторической области адаптироваться к абсолютно отличным друг от друга природно-географическим условиям Сьерры и Косты. Другими словами, пример Центральных Анд ярко демонстрирует определяющую роль внешней среды в области выработки конкретных форм адаптации человеческих коллективов.

Именно поэтому мне представляются совершенно бесперспективными попытки искать какие-либо единые причины «неолитической революции» даже в ее классической форме. Скорее всего, в каждом ее центре имелись различные конкретные обстоятельства, послужившие толчком к началу этого процесса.

Тем не менее, сходство структуры и последствий «неолитической революции» в обоих регионах Центральных Анд позволяет говорить о единстве закономерности, лежащей в самой природе рассматриваемого палеоэкономического процесса. Она заключается в том, что его суть не в переходе от присваивающего хозяйства к производящему, а в пересечении населением определенного региона того рубежа производительности труда, после которого возникает стабильный прибавочный продукт.

Более четко такую закономерность можно было бы сформулировать следующим образом**: *в экономике прогрессивно развивающегося первобытного общества наблюдается постоянный рост производительности труда, который, независимо от конкретной формы хозяйства, на определенном уровне развития приводит к появлению стабильного прибавочного продукта в рамках годичного производственного цикла*** (*Башилов* 1996. С. 20; 1998. С. 9).

Генеральным путем проявления этой закономерности является, несомненно, переход к земледелию, но и альтернативные модели «неолитической революции» имели место на

протяжении древнейшей истории человечества в различных областях земного шара и, вероятно, в различное время. Другое дело, что нигде они не привели к достижению уровня цивилизации. Причины этого лежат, видимо, в хрупкости, быстрейшем исчерпывании потенциала и меньшей продуктивной потенции присваивающего типа экономики.

Все сказанное выше об атипичной модели «неолитической революции» демонстрирует важность исследования аномальнных путей исторического развития. Их сопоставление с обычными, стандартными путями позволяет пытаться выявлять внутренние, сущностные закономерности процессов.

Если при определенных условиях «неолитическая революция» действительно могла проходить в рамках присваивающей экономики, то можно предположить, что этот рубеж в различных регионах мира мог пересекаться в различное время, что и привело к появлению такого археологического феномена, как отдельные центры, опережающие по уровню развития свое окружение, что, вероятно, было связано с прохождением ими рубежа «неолитической революции». Это, в свою очередь, открывает дорогу к мысли о том, что процесс развития палеоэкономики, подобно, например, процессу антропогенеза, имел в конкретике «кустообразную» форму при одновекторном направлении эволюции.

Все, что говорилось выше, не более чем гипотеза и подлежит критическому анализу и проверке на материалах других регионов. Но представляется, что рассмотренные древности Центральных Анд дают право на подобную гипотезу, которая, как мне кажется, может дать новое направление осмыслению целого ряда уже известных археологических фактов.

Все вышесказанное подтверждает мысль о том, что знание о прошлом американских аборигенов далеко выходит за рамки американистики. Оно позволяет ставить и пытаться решить вопросы, имеющие чрезвычайно важное значение для познания самых общих закономерностей развития человеческого общества. Сопоставление исторических и палеоэкономических процессов Нового и Старого Света показыва-

ет их сущностную близость при ярком многообразии конкретных форм. Их разделенность в пространстве и, что еще более важно, во времени, гарантирует «чистоту эксперимента» и обуславливает оптимальную достоверность получаемых выводов.

Аверкиева Ю.П. Рабство у индейцев Северной Америки. М-Л., 1941. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. LXX. М., 1961. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.

Башилов В.А. Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу // Васильевский Р.С. (Отв.ред.) Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск. 1979. Темпы исторического процесса в важнейших центрах «неолитической революции» Нового и Старого Света // Тишков В.А. (отв.ред.) Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. М., 1985. Периодизация и темпы исторического процесса «неолитической революции» на Переднем Востоке и в Новом Свете // Массон В.М. (отв.ред.) Древние цивилизации Востока. (Материалы II советско-американского симпозиума). Ташкент. 1986. Первичный центр производящей экономики в горном Перу // Башилов В.А. (отв.ред.) Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М., 1990. Возможности археологических источников для исследования исторических процессов (на примере Центральных Анд) // Древность: историческое знание и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского (25-27 сентября 1996 г.). М. 1996. О возможности «неолитической революции» в присваивающей экономике // Рындина О.М. (отв. ред.) Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 1998.

Васильевский Р.С. Вопросы адаптации населения к прибрежным условиям на Тихоокеанском Севере // Деревянко А.П. (отв.ред.) Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1975.

Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1966.

*Косолапов В.В.*Методология и логика исторического исследования. Киев. 1977.

Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII-первая половина XIX в). Л., 1975.

Массон В.М. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики).// Материалы и исследования по археологии СССР, N 180. М.-Л., 1971

Мещеряков А.Н. Ранняя история Японского архипелага как социоестественный процесс. Восток, N 5, 1995.

Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982.

Титов В.С. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена.// Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 88, 1962.

Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973..

Чайлд В.Г. Прогресс и археология (1945). М., 1949.

Шнирельман В.А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей.// Бромлей Ю.В. (отв.ред.) История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М, 1986. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии. Научно-аналитический обзор. М.1997. Возникновение производящего хозяйства. М, 1989. Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений.// Сб.: Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993.

Bashilov V.A. «Neolithic Revolution» in Peru: Some General Aspects of the Historical Process // Actas del X congreso de la Unión Internacional de Ciencias Prehistóricas y Protohistóricas, México, D.F., Octubre 19-24, 1981. México, 1982.

Bonavía D., Grobman A. El origen del maíz andino // Hartmann R., Oberem U. (eds.) Estudios Americanistas I. Homenaje a H..Trimborn. St.Augustin. 1978.

Braidwood R.J. The Near East and Foundations for Civilizations. Oregon. 1952. Prehistoric Man. 3d edition. Chicago. 1957.

Childe V.G. Old World Prehistory: Neolithic.// Kroeber A.L. (ed.) Anthropology Today. Chicago. 1953. What Happened in History (1942). Harmondsworth. 1967. Man Makes Himself (1936). NY, Scarborough. 1983.

Lynch Th.F. (editor) Guitarrero Cave: Early Man in the Andes. NY etc., 1980.

MacNeish R.S. The Origin of American Agriculture. Antiquity. V.XXXIX, 1965.

MacNeish R.S.,García Cook A., Lumbreras L.G., Vierra R.K., Nelken-Terner A. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru, v.II — Excavations and Chronology. Ann Arbor.1981.

MacNeish R.S. Vierra R.K., Nelken-Terner A., Phagan C.J. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. V.III — Nonceramic Artifacts. Ann Arbor. 1980.

MacNeish R.S. Vierra R.K., Nelken-Terner A., Lurie R., Garcна Cook A. Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru. V. IV — The Preceramic Way of Life. Ann Arbor. 1983.

Murra J.V. El «control vertical» de un máximo de los pisos ecológicos en la economía de las sociedades andinas.// Ortiz de Zuñiga, Inigo. Visita de la provincia de León de Huánuco (1562). T.2. Huánuco. 1972.

Shnirelman V.A. Complex Hunter-Gatherers: Exception or Common Phenomenon? Dialectical Anthropology, 17. 1992.«Cherches le chien», perspectives on the economic survival of the traditional fishing-oriented people of Kamchatka // Burch E.S., Ellanna L.J. (eds.) Key Issues in Hunter-Gatherer Research. Providence. 1994a. Farming or Fishing? On the Unevenness of Socio-Economic Development in Neolithic Times. // 6 Congreso Hispano-Ruso de Historia. Madrid. 1994b.